

Глава 6. Остров Пэнлай

— Хочешь сказать, тебе приснилась Алтарная терраса императоров, ты встретил её хранителя, а когда проснулся, на запястье обнаружилось вот это?

Шэнь Цинчжоу молча кивнул, не сводя глаз с шестого старейшины клана Цинь — Чэнь Линьэр, державшей под своим началом Терем Феникса, один из трёх великих Библиотечных теремов.

Среди старейшин Цинь она единственная не принадлежала к их роду. Прежний глава клана даровал ей имя Цзюцзоу, а молодые адепты уважительно звали её Мирянкой Широких Познаний. Помимо виртуозной игры на цине, Чэнь Линьэр славилась своей безграничной эрудицией.

В подвластном ей Тереме Феникса хранились тайные техники, созданные предками клана. Полки ломились от бесчисленных запретных манускриптов, а для того чтобы войти туда или вынести свиток, требовалось личное письменное разрешение старейшин, распорядителей или самого главы.

По годам Чэнь Линьэр была ровесницей главы клана, Цинь Жуя, однако лицом и статью казалась едва вошедшей в пору юности двадцатилетней девушкой.

Скрестив руки на груди, она мерно постукивала пальцем по плечу и нахмурилась.

Пробудившись ото сна, Шэнь Цинчжоу почти сразу обнаружил на внутренней стороне запястья странную метку. Он быстро понял, что этот сон повлечёт за собой куда более серьёзные последствия, чем казалось поначалу. Не исключено, что загадочный Чжоу Фу вновь призовет его на Алтарную террасу, едва он сомкнёт веки.

Поэтому, наскоро расчесав шерсть Хэйшицзы и навестив перенёсшего ритуал отделения души Тань Ци, он поспешил в Терем Феникса на поиски Чэнь Линьэр.

Слабое совершенствование не позволяло ему летать на мече, подобно прочим адептам. Путь от Терема Черной Птицы до Терема Феникса лежал неблизкий; выйдя на рассвете, он сумел разыскать нелюдимую старейшину лишь ближе к полудню.

— Дело дрянь, — задумчиво протянула Чэнь Линьэр, закидывая ногу на ногу. — Я никогда не слышала о техниках, способных подчинить чужой разум и управлять снами на таком колоссальном расстоянии.

— Не могли бы вы опустить ногу? — попросил Шэнь Цинчжоу. — Подобная поза не слишком прилична, да и для здоровья вредна.

— Ну ладно тебе, — цыкнула старейшина, послушно поставив ступни на пол.

— Вам когда-нибудь доводилось видеть нечто подобное? — Шэнь Цинчжоу протянул ей правую руку, позволяя рассматривать своё запястье.

— Позволь нескромный вопрос: как ты ухаживаешь за кожей? — вдруг поинтересовалась она.

Шэнь Цинчжоу на мгновение опешил, а затем нерешительно произнёс:

— Э-э... ложусь и встаю пораньше?

— Забудь, — Чэнь Линьэр выпустила его руку. — Могу сказать точно: я никогда не видела этого узора. Впрочем, я поищу ответы в Тереме Синей Птицы.

Последний из трёх Библиотечных теремов клана Цинь — Терем Синей Птицы — хранил в себе бесчисленные знания. Именно там были собраны древнейшие свитки, утерянные трактаты и великие писания о путях самосовершенствования. Если разгадка вообще существовала, то лишь там.

— Премного благодарен вам, Шестой старейшина, — искренне произнёс Шэнь Цинчжоу.

Если бы не грядущие хлопоты, связанные с расторжением помолвки между кланом Цинь и Поместьем Чистой Святости, он ни за что не стал бы её утруждать.

— Пустяки, — отмахнулась Чэнь Линьэр. — Мне всё равно в последнее время совершенно нечем заняться, так что хоть какое-то развлечение.

— В Палате Сокровищ сейчас затеяли большую ревизию клановых кладовых, — вызвался помочь делом Шэнь Цинчжоу. — Они собираются составить подробный реестр ценностей, ради чего забрали половину моих людей из Терема Черной Птицы. Глава относится к этому делу чрезвычайно серьёзно, так что вы могли бы заглянуть к ним.

— Избавь меня бог! От одних только списков и описей в Палате Сокровищ у меня голова идёт кругом, — Чэнь Линьэр прижала ладонь ко лбу, отчего нефритовые подвески в её причёске жалобно зазвенели.

Шэнь Цинчжоу лишь мягко улыбнулся, не став спорить.

Улыбка сошла с лица Чэнь Линьэр, сменившись серьёзным выражением.

— Хотя я и не сталкивалась с этой печатью, кое-какие мысли у меня всё же есть.

Она очертила пальцем круг в воздухе, и чистая белоснежная духовная энергия соткала точную

копию узора с запястья юноши.

— Взгляни, — указала она на парящий свет. — Это очень напоминает древний иероглиф «гора». Но вершина у неё срезана и абсолютно плоская. Похоже на обломанный пик, не находишь?

Шэнь Цинчжоу всмотрелся в сияющий контур, беззвучно шевеля губами:

— Срезанный пик... Расколота гора...

Они переглянулись, и догадка одновременно сорвалась с их уст:

— Гора Бучжоу!

«За Северо-Западным морем, в самом дальнем углу Великих пустошей, высится гора, чьи склоны никогда не сойдутся вместе. И имя ей — Бучжоу».

Легендарная гора Бучжоу возвышалась к северо-западу от Куньлуня, совсем рядом с Алтарной террасой императоров.

Тань Ци лежал, уткнувшись подбородком в раскрытый фолиант, а его руки безвольно свисали со столешницы до самого пола. Он походил на вяленую рыбу, у которой нет сил даже на то, чтобы перевернуться на другой бок.

Именно такую картину застал Шэнь Цинчжоу, когда вернулся в Терем Черной Птицы.

Подойдя ближе, он негромко постучал костяшками пальцев по дереву:

— Тань Ци. Тань Ци, ты спишь?

Тот вздрогнул, мгновенно выпрямился и выкрикнул:

— Я!

Но, разглядев перед собой участливое лицо юноши, он вспомнил, что находится вовсе не на лекции в университете, а в ином мире, где люди летают на мечях и стремятся к бессмертию.

— Как твоё самочувствие? — мягко поинтересовался Шэнь Цинчжоу. — Я попросил поваров из

Павильона Восьми Деликатесов приготовить для тебя целебный отвар, а к вечеру со складов принесут свежие фрукты. Если ты действительно хочешь поехать со мной в Поместье Чистой Святости, тебе нужно поскорее окрепнуть.

Тань Ци оживился:

— О, а этот отвар вкусный?

— Разумеется. В Павильоне Восьми Деликатесов служат только лучшие мастера, которых глава клана переманил за баснословные деньги. А рецепты целебных блюд составлял лично Третий старейшина. Тебе непременно понравится.

— Ура! — Тань Ци радостно заулыбался, начисто забыв о приличиях. — А какие фрукты принесут? Можно мне самому выбрать?

— Вообще-то да, — терпеливо объяснил Шэнь Цинчжоу. — Но сегодня я побоялся, что у тебя не будет аппетита, поэтому велел принести боярышник — он помогает пищеварению. Если захочешь чего-то другого, скажи, и завтра я переговорю с управляющим.

— Спасибо, дядя Куньюй! — весело отозвался Тань Ци. — Я обожаю боярышник!

Шэнь Цинчжоу ласково улыбнулся, но взгляд его остался холодным, точно зимний омут.

Настоящий Тань Ци терпеть не мог боярышник.

Несколько простых проверок подтвердили его худшие опасения: перед ним был чужак. И всё же в теле слуги ютилась невинная душа, которая ничего не понимала и, по всей видимости, сама оказалась жертвой чьих-то коварных замыслов.

Но как получилось, что хваленая техника отделения души, применённая самим главой клана, дала осечку?

— Глава клана приходил к тебе? — как бы невзначай спросил Шэнь Цинчжоу.

— Заходил! — весело отозвался Тань Ци. — Пообещал подарить мне золотого Пияо в знак примирения! — Он вдруг спохватился и затараторил: — Чуть не забыл! Глава велел тебе идти в какой-то... Зал Подарков, что ли? Сказал, нужно помочь выбрать дары.

— В Зал Подарков? — Шэнь Цинчжоу на миг растерялся, но тут же догадался, в чём дело: — Не Зал Подарков, а Зал Взаимной Благодарности. Тот, что назван в честь поговорки «получив сливу, отплати персиком». Именно там ведают всеми делами и связями нашего клана с другими великими домами. Похоже, брат действительно готовит подношения для визита в

Поместье Чистой Святости. Что ж, я схожу туда. А вы с Хэйшицзы присмотрите за Теремом Черной Птицы.

Тань Ци шутливо вытянулся в струнку и нелепо поклонился:

— Будет исполнено, дядя Куньюй! Доброго пути!

— И не вздумай спать на свитках — помнёшь ценные рукописи. Да и горбиться за столом вредно, шею застудишь, — не удержался от наставлений Шэнь Цинчжоу у самого порога. — Перед уходом на ужин в Павильон Восьми Деликатесов обязательно запри двери Терема Черной Птицы. Когда будешь забирать отвар, назови поварам моё имя. И не налегай на боярышник, а то заболит живот.

— Да-да, всё понял, всё сделаю! — Тань Ци закивал, словно склёвывающий зерно цыплёнок. — Иди уже, а то опоздаешь!

Шэнь Цинчжоу переступил порог и едва не столкнулся лицом к лицу с Третьим старейшиной, Цинь Хэ, которого сопровождали несколько учеников. Окинув прибывших взглядом, юноша почтительно поклонился старшему, а затем приветствовал младших сотоварищей, сложив ладони.

— Благодарю за труды. Прошу вас, проходите внутрь.

Цинь Хэ приходился двоюродным дядей самому главе клана. Этот лекарь от бога пользовался безграничным уважением, и, несмотря на его мягкий, добродушный нрав, Шэнь Цинчжоу не смел выказать ему ни малейшего непочтения.

— А, это ты, Куньюй, — добродушно рассмеялся старик, поглаживая седую бороду. — Полно тебе, не усердствуй с поклонами. Глава клана с самого утра тебя ищет.

— Немедленно отправляюсь к нему. Поручаю Тань Ци вашему попечению, Третий старейшина.

— Погоди-ка, — старик удержал его за рукав и, отведя в сторону, зашептал: — Куньюй, я знаю твой прямодушный нрав и привычку говорить правду в глаза. Но глава сегодня сам не свой, туча тучей. Уж будь милосерден... попридержи свой острый язык.

Шэнь Цинчжоу хотел было возразить, но лишь вздохнул:

— Постараюсь... по мере сил.

— Ну ступай, — старейшина ласково похлопал его по плечу. — Глава ждёт тебя в Зале Взаимной Благодарности.

Все Одиннадцать островов Пэнлай исстари принадлежали роду Цинь. Семейная резиденция раскинулась на втором по величине острове — Мосин, названном так в честь возвышающейся на юго-востоке горы Мосинь. На её вершине стоял Храм Первого Императора, где круглый год курились благовония и совершались торжественные обряды, а на лесистых склонах пониже примостилось родовое святилище. Клан выстроил свои чертоги прямо на уступах: изящные резные павильоны и нефритовые террасы тонули в зелени ущелий, напоминая россыпь драгоценных камней на шёлке лесов.

Зал Взаимной Благодарности находился неподалёку от Терема Черной Птицы, так что Шэнь Цинчжоу добрался туда пешком без особого труда.

— В прошлый раз Поместье Чистой Святости прислало нам превосходную древесину священного дерева диу, так что мы ответим щедрым даром — отправим им жемчужину, умиряющую моря.

— Избыток артефактов и оружия ни к чему, у них этого добра и так хватает. Хм... помнится, в Саду Сотни Зверей недавно вырастили выводок небесных псов? Отошлите пару главе поместья Мэн.

— И проверьте, внесли ли в свиток белый куньлуньский нефрит?

Цинь Жуй задумчиво потирал подбородок, обернувшись к младшему сыну, которого насильно усадил за изучение клановых дел.

Но вместо витающего в облаках Цинь Сыюаня его взору предстали иные очертания: шелковистые чёрные волосы, ниспадающие на плечи подобно тёмному горному водопаду. Присутствующие в зале невольно затаили дыхание, украдкой косясь на вошедшего юношу.

Род Цинь славился своей статью и красотой — да и сам глава клана до сих пор кружил головы многим, — однако облик Шэнь Цинчжоу превосходил любые земные мерки.

Шэнь Цинчжоу давно привык к оценивающим и заворожённым взглядам. Не обращая на них внимания, он заглянул через плечо племянника в реестр подношений, а заметив направленный на себя взгляд Цинь Жуя, чинно сложил рукава и склонился в приветствии.

Цинь Сыюань без малейшего стеснения впихнул свиток в руки дяди и с ухмылкой обратился к отцу:

— О чём беспокоиться? Наш самый ценный куньлуньский самоцвет уже здесь!

Договорить он не успел — по лбу смачно прилетел увесистый отцовский щелчок.

— А ну брысь отсюда! На тренировочную площадку, живо за меч! — прикрикнул Цинь Жуй, а

затем поманил стоявшего поодаль молодого человека: — Куньюй, помоги мне проверить, всё ли мы учли. А этот список... Цзинчжун, займись сверкой.

— Благодарю за доверие, глава. Ваш покорный слуга выполнит всё в лучшем виде, — отозвался Цинь Сышэнь.

Шэнь Цинчжоу хорошо знал этого юношу. Цинь Сышэнь, носивший имя Цзинчжун, приходился старшим внуком Третьему старейшине, Цинь Хэ. Передав ему пергамент, Шэнь Цинчжоу поспешил за главой клана.

— Что-то ты припозднился, Куньюй, — как бы между прочим поинтересовался Цинь Жуй. — С утра заглядывал в Терем Феникса к Шестому старейшине?

— Всё так, мне незачем лгать вам. У меня было к ней деликатное личное дело.

Впрочем, Цинь Жуй держал в узде все Одиннадцать островов Пэнлай. Стоило ему пожелать, и соглядатаи сочли бы каждый шаг, сделанный Шэнь Цинчжоу по дороге от Обителя Чистого Блеска до Терема Черной Птицы.

Но глава клана не отличался праздным любопытством и не собирался шпионить за названным братом. Раз тот не желал вдаваться в подробности, Цинь Жуй не стал настаивать.

— На Сьюаня никакой надежды, — вздохнул глава клана. — Куньюй, ты его дядя, и к твоим советам он прислушивается охотнее, чем к моим. Моё дело — заставлять его зубрить трактаты да махать мечом, но житейской мудрости научить его должен ты. Пожалуйста, приглядывай за ним, не то, унаследовав клан, он натворит таких глупостей, что нам вовек не расхлебать.

Цинь Жуй говорил так проникновенно, словно составлял завещание на смертном одре, но простому смотрителю архива не пристало брать на себя столь тяжёлую ношу.

Поэтому Шэнь Цинчжоу лишь уклончиво заметил:

— Молодому главе всего семнадцать, он ещё не прошёл обряд совершеннолетия. Откуда вам знать, брат, быть может, его ждёт судьба цзиньского Вэнь-гуна, явившего миру величие лишь на закате лет?

Цинь Жуй снисходительно усмехнулся и, решив сменить тему, снял с полки деревянный брусок размером с ладонь:

— Знаешь, что это?

Шэнь Цинчжоу на мгновение задумался, а затем спокойно ответил:

— «Растёт на горе Цзян дерево по имени диу. Листья его подобны перцу, ветви усыпаны шипами, а плоды красны. Оберегает оно от всякого зла». Это знаменитая древесина диу, описанная в «Книге гор и морей».

— Верно. Поместье Чистой Святости прислало нам её в дар, — кивнул Цинь Жуй. — Я велел вырезать из неё защитные амулеты, и от первоначального куска остался лишь этот обрезок.

— Вы хотите его использовать? — удивился Шэнь Цинчжоу.

— Этого обрубка хватит от силы на три амулета, — продолжал Цинь Жуй. — И я намерен передать их Терему Черной Птицы. — Прежде чем названный брат успел возразить, он крепко сжал его плечо и строго добавил: — У меня есть на то веские причины. Не спорь и прими дар.

Шэнь Цинчжоу оставалось лишь смиренно поклониться в знак признательности за проявленную заботу.

Про себя глава клана тяжело вздохнул. В таинственном свитке с личными делами адептов напротив имени его названного брата в графе «уровень угрозы» красовалась пугающая высшая отметка.

Означало ли это, что над самим Шэнь Цинчжоу нависла смертельная опасность, или же он сам нёс в себе скрытую угрозу для окружающих — Цинь Жуй не знал, но был обязан принять меры предосторожности.

До отправления в Поместье Чистой Святости оставались считанные дни.

«Пусть Первый Император убережёт своих потомков и ниспошлёт нам удачу в этом путешествии», — мысленно вознёс молитву предку Цинь Жуй.

<http://bllate.org/book/18428/1768833>